

Ли Сюньхуань, вмиг лишившийся дара речи от столь дерзкой отповеди, пребывал в крайнем замешательстве. Он не понимал, что за диковинное ругательство «□□» сорвалось с губ незнакомца, но по созвучию и гневному выражению лица Чжао Цзи без труда догадался о сути. На мгновение повисла неловкая пауза, и прославленный мастер действительно замолчал.

Но если Ли Сюньхуань чувствовал лишь стыд, то Линь Сяньэр кипела от ярости. Ведь буквально мгновение назад, когда настырный Лун Сяюнь загонял своего названного брата в угол, не оставляя тому путей к отступлению, Ли Сюньхуань то и дело бросал на неё выразительные взгляды.

Женское чутье подсказывало Сянь-эр, что слова, едва не сорвавшиеся с его губ, касались её напрямую. Что он собирался объявить? Что его сердце давно принадлежит прекрасной Линь Сяньэр? Или что он намерен взять её в жены?

От этих мыслей сердце девы забилося в бешеном ритме. Ли Сюньхуань — хорош собой, благороден, легок на подъем, умен, начитан, да к тому же наделен исключительным боевым мастерством. Даже если забыть про его несметное богатство и высокое происхождение, перед одним лишь его мужским обаянием не устояла бы ни одна женщина на свете!

И вот, когда признание уже готово было прозвучать, а сладкие девичьи грезы — воплотиться в жизнь, откуда ни возьмись вылез этот... «молодой герой Го»!

Линь Сяньэр еще никогда в жизни не находила хорошеньких смазливых юнцов столь омерзительными. А среди них этот конкретный наглец, щеголявший в женском платье без тени смущения и обладавший настолько тонкими, почти девичьими чертами лица, вызывал у неё лютую ненависть. По её глубокому убеждению, всех бесстыжих разлучников в мире следовало изрубить на тысячи кусков и скормить собакам!

Внизу, под сводами постоянного двора, разыгрывалась негласная драма. Лун Сяюнь, Ли Сюньхуань и Линь Сяньэр терзались каждый своими мыслями. Нынешний Лун Сяюнь, хоть уже и выказал изрядную долю бесстыдства, оставался лишь амбициозным юнцом. Он еще не нажил той звериной хитрости и непробиваемой наглости, какими будет обладать годы спустя. Когда нахальная «девица» со второго этажа безжалостно выставила все его шкурные интересы на всеобщее обозрение, его лицо то бледнело, то наливалось багровой краской от унижения.

В мыслях Ли Сюньхуаня царил полный сумбур. С одной стороны, он инстинктивно порывался утихомирить ссору между братом Луном и названным братом Го. С другой — получив столь резкий отпор, он подсознательно понимал: этот странный парень одним махом вскрыл горькую правду, которую сам Ли Сюньхуань упорно отказывался признавать.

Проще всех рассуждала Линь Сяньэр. Ей просто до смерти хотелось, чтобы крикливый выскочка сверху наконец заткнул свой рот.

Чжао Цзи набрал в грудь побольше воздуха, готовясь выдать очередную порцию яда ради спасения своего кумира и схлестнуться с мерзавцем Луном еще на три сотни раундов. Однако

краем глаза он уловил, как за деревянным окном, в самой дали предрассветного неба, затеплилась бледная полоса естественного света.

"Твою ж дивизию... Уже рассветает?!"

Если он не успеет вернуться во дворец до рассвета, то, скорее всего, лишится головы. Чжао Цзи пришлось сделать над собой колоссальное усилие, чтобы затушить бушующий в груди пожар праведного гнева. Кто бы мог подумать, что взрослому мужику придется отыгрывать роль Золушки, у которой карета вот-вот превратится в тыкву под утренний звон колоколов.

А ведь он только-только вошел во вкус! Невысказанная злоба вылилась в напоследок брошенную язвительную тираду:

— Лицемер двуличный! Явился сюда со своей гнилой душонкой и строит из себя праведника. Думаешь, никто не видит, как ты прикрываешься узами братства, чтобы повязать человека по рукам и ногам? Тьфу на тебя!

Толпа зевак внизу дружно ахнула. Мужчины, которые с самого появления Чжао Цзи пускали слюни на симпатичную «девицу», со стыдом прятали глаза. Эх, такая миленькая барышня, а ругается как портовый грузчик! Куда ей до изящества и кротости девы Линь Сяньэр, которая и слова худого в жизни не вымолвит!

Чжао Цзи и не подозревал, сколько воздыхателей растерял за эти полминуты. Впрочем, даже если бы и знал — плевать он хотел на их нежные чувства.

Стоявший внизу Лун Сяюнь задыхался от ярости. Он уставился на наглую девку диким взором, готовый прямо сейчас разорвать её на куски. Но не успел он вымолвить и слова, как обидчица, решив не продолжать бой, резко развернулась и со всех ног бросилась наутек в глубь коридоров!

— А ну стоять! — взревел Лун Сяюнь и ринулся было следом.

Ли Сюньхуань инстинктивно преградил ему путь. Линь Сяньэр, чья ненависть к помешавшему её триумфу незнакомцу достигла апогея, тоже сделала вид, будто пытается удержать разгневанного гостя, однако на деле лишь незаметно мешала Ли Сюньхуаню броситься в погоню.

С шумом и криками троица ворвалась в покои Линь Сянь-эр, но комната оказалась пуста. Чжао Цзи побежал назад вовсе не из трусости — у него попросту горели сроки. Ему во что бы то ни стало нужно было успеть во дворец до рассвета, а прорываться через беснующуюся внизу толпу заняло бы слишком много времени. Поэтому он решил срезать путь: взбежал наверх, распахнул окно в комнате Сянь-эр и без колебаний сиганул вниз, задействовав внутреннюю силу для мягкого приземления, после чего припустил во весь опор.

Подбежавшие к распахнутой раме преследователи успели заметить лишь крошечную, размером с горошину, фигурку, стремительно растворяющуюся в предрассветных сумерках.

Ли Сюньхуань и Линь Сяньэр недоуменно переглянулись. Зачем было так убегать? Ведь этот странный человек только что кричал о защите какой-то «сестрицы-наложницы»? Неужели он действительно испугался гнева Лун Сяююня?

Дева Линь украдкой покосилась на Лун Сяююня. Тот стоял у подоконника, тяжело дыша; пальцы его до хруста сжались на деревянной раме, и он с глухим рыком попросту выломал оконный импост.

Линь Сяньэр опешила от такой дикости. Поломавший чужую вещь Лун Сяююнь даже не заметил содеянного. Кровь стучала у него в висках, ярость застилала глаза.

За всю свою жизнь он знал немало бед, проливал кровь и получал раны, но еще ни разу какая-то девка не смешивала его с грязью на глазах у толпы! Позабыв о первоначальном предлоге своего визита — будь то искренний гнев на Ли Сюньхуаня или расчетливая игра, — он яростно выплюнул:

— Кто она такая?!

Он поклялся отыскать негодяйку, чего бы это ни стоило, и заставить её ползать перед ним на коленях, вымаливая прощение!

Ли Сюньхуань чувствовал, что этот день стал самым неловким в его жизни. Стыд и неловкость были столь велики, что на время даже притупили душевную муку от расставания с кузиной Шиинь.

— Просто... один знакомый, — невнятно пробормотал он.

Хоть «братец Го» и не поскупился на крепкие выражения в его собственный адрес, Ли Сюньхуань в глубине души полагал, что тот поступил так исключительно из дружеских чувств и заботы.

Поняв, что от Ли Сюньхуаня ничего путного не добиться, Лун Сяююнь прекратил расспросы и принялся рассуждать вслух:

— На ней было платье... неужто дворцовое? Она служанка из императорского дворца? Судя по крою и ткани — явно не из простых судомеек. Личная служанка какой-нибудь знатной особы? Как же она осмелилась провести ночь в публичном доме?! Какая неслыханная дерзость!

По тону его голоса было ясно: он вознамерился разузнать, кому прислуживает эта девица, чтобы донести её хозяевам и сжить негодницу со свету.

Но где простому бродяге из цзянху тягаться с дворцовой знатью? Подобные мстительные планыгодились разве что для пустых мечтаний.

Сам же Чжао Цзи, мчавшийся во весь опор, меньше всего думал о чужих планах. Ему бы собственную шкуру спасти. Позабыв о всяком императорском величии, он бежал согнувшись чуть ли не пополам, чтобы уменьшить сопротивление ветра, и походил при этом на сорвавшегося с цепи пса. Его ноги мелькали в темных переулках и на крышах домов.

К счастью, топографическим кретинизмом он не страдал и без лишних блужданий выскочил напрямик к Воротам Полярной Звезды. Когда человеку везет, то и само небо ему благоволит.

Небо на востоке уже подернулось бледной лазурью, но именно в эту минуту у ворот происходила пересмена караула. Пользуясь суматохой, Чжао Цзи пулей перемахнул через ров по сухопутному мосту, проскользнул вдоль глухой крепостной стены по узкому карнизу, где едва помещалась половина стопы, и оказался у безлюдного участка дворцовой ограды. Как говорится, первый раз — новость, второй — привычка. Он глубоко вдохнул, направил потоки внутренней силы в ноги и с силой оттолкнулся от земли.

Осознание того, что в его теле циркулирует настоящая «внутренняя сила», в корне изменило его настрой. На этот раз Чжао Цзи управлял энергией куда увереннее. Одним мощным, бесшумным прыжком он взлетел на вершину высокой дворцовой стены.

Не теряя ни секунды, он спрыгнул вниз, бесшумной тенью пересек задний двор и скользнул обратно через приоткрытое окно. В спальне он наспех стянул с себя женские наряды, всучив их сонной служанке, облачился в тонкое белое исподнее и юркнул в постель, зажатый с двух сторон спящими телами. Закрыв глаза, он затаил дыхание.

Ему жизненно необходимо было перевести дух перед началом тяжелого дня. Едва веки сомкнулись, как уставшее тело само запустило циркуляцию внутренней силы. В полудреме Чжао Цзи невольно погрузился в короткую, но восстанавливающую медитацию.

Примерно через полчаса у дверей спальни негромко постучал евнух. От этого звука Го Чуньлань, накануне аккуратно отправленная в нокаут, со слабым стоном открыла глаза. Она первым делом осмотрела себя, а затем перевела взгляд на мирно спящего императора. С одной стороны, её уколола обида — Его Величество за всю ночь пальцем её не коснулся. С другой — зародилось смутное подозрение: а вдруг император проигнорировал её, но зато поразвлекся с приведенной служанкой? Если слухи об этом поползут по дворцу, её авторитету как хозяйки покоев придет конец.

С этой тревожной мыслью она заглянула за широкую спину государя и увидела спящую без задних ног служанку. Оглядев девицу с ног до головы и убедившись, что одежда на той не помята и застегнута на все пуговицы, Чуньлань с облегчением вздохнула. Вмиг повеселев, она всем телом прильнула к груди Чжао Цзи и пропела ласковым голосом:

— Ваше Величество... пора вставать.

В этот момент Чжао Цзи как раз завершал круг циркуляции внутренней силы, и внезапный напор наложницы пришелся точнехонько на уязвимую точку, перекрыв ход внутренней силы. Он едва не задохнулся от резкой боли, чудом избежав искажения истинной ци. Мысленно умоляя себя не сорваться и не разукрасить наглой девице лицо, он раз за разом твердил мысленную мантру:

"Я не бью женщин, я цивилизованный человек..."

Кое-как уняв вспышку гнева, он с трудом подавил желание отбросить её к стене.

Впрочем, про себя Чжао Цзи поклялся: если он еще хоть раз попробует медитировать в присутствии посторонних, то грош ему цена.

Распахнув глаза, он нацепил на лицо сонную, но нежную улыбку и, притянув к себе жеманную Чуньянь, негромко произнес:

— Спасибо, моя дорогая.

Государственные дела не ждали. Согласно установленному регламенту, каждое утро император вместе с вдовствующей императрицей Сян проводил в Зале Гражданской Добродетели закрытый совет с главами двух палат и ключевыми министрами. Раз в пять дней в Зале Мирного Правления собиралось более широкое совещание с участием полутора десятков сановников. В первый день каждого месяца устраивался большой прием в Зале Гражданской Добродетели, а в середине месяца — торжественное собрание в Зале Пурпурного Созвездия.

Сегодня как раз предстоял малый совет в зале Гражданской Добродетели. Накануне главной темой обсуждения были сокращение численности войск и урезание военных расходов. Вдовствующая императрица Сян, у которой дела в государстве наконец наладились, постепенно теряла интерес к браздам правления. Вчера она даже вскользь посетовала, сославшись на слабое зрение, что разбор бесконечных докладов утомляет её.

Чжао Цзи, размышляя о сегодняшней повестке дня, послушно замер, пока служанки умывали его и подносили благовония. Окончив омовение, он встал посреди комнаты и раскинул руки в стороны, позволяя облачить себя в тяжелое императорское одеяние из расшитого золотом шелка.

Шагнув за порог Зала Гражданской Добродетели, он окончательно выбросил из головы ночные похождения. Кумир кумиром, но одними восторженными вздохами сыт не будешь. Пришло время трудиться на благо государства.

Министр Хань Чжунянь, несмотря на относительную молодость, обладал колоссальным политическим опытом. После того как Чжан Дунь возглавил Палату экзаменов, а Цай Бянь принял на себя его прежние обязанности, Хань Чжунянь молниеносно освоился на новом поприще и органично влился в круг умудренных опытом старцев.

Чжао Цзи и вдовствующая императрица Сян вошли в зал практически одновременно. Заняв свое место на троне, государь поднял взгляд и слегка удивился, заметив среди присутствующих Чжан Дуня. Тот явился с совершенно конкретной целью — огласить результаты недавних испытаний.

Глаза Чжан Дуня горели боевым азартом. Почти месяц изнурительной подготовки, составление каверзных вопросов и проверка сотен свитков — все это делалось ради одного-единственного триумфального момента. Ему не терпелось размазать по стенке самодовольные рожи бездарных протеже, привыкших пролезать на теплые места по блату.

Разумеется, чтобы сокрушительный удар возымел должный эффект, следовало наглядно продемонстрировать разницу между неучами и истинными талантами. Перед взорами присутствующих разложили полтора десятка лучших работ. И здесь Ли Сюньхуань снова произвел фурор — его каллиграфический почерк, изящный и летящий, мгновенно приковал к себе всеобщее внимание.

С молчаливого одобрения вдовствующей императрицы совет тут же превратился в масштабные поиски неуловимого дарования.

На сей раз удача была на их стороне — Ли Сюньхуань обнаружился в собственной усадьбе. Накануне ночью, после устроенного Лун Сяоюнем дебоша, хозяйка Павильона Десяти Тысяч Цветов без лишних церемоний выставила обоих нарушителей спокойствия за дверь. Конечно, если бы Линь Сяньэр вмешалась и замолвила словечко, Ли Сюньхуаню позволили бы остаться. Однако девица, снедаемая гордыней и жаждущая вытянуть из него заветное признание, предпочла надуть губы и пальцем не пошевелила ради его спасения.

Оказавшись на улице предрассветного города, Ли Сюньхуань осознал, что идти ему некуда. Дома его ждала кузина Шиинь, но вечно бегать от разговора с ней было глупо. Скрепя сердце, он побрел в родные стены.

Но едва он переступил порог, как слуги ошарашили его новостью: вчера во дворец доставили императорский указ о его вызове. Каким бы равнодушным к чинам и славе ни был Ли Сюньхуань, перед императорской властью он испытывал искреннее почтение — ведь его отец и старший брат верой и правдой служили престолу. Осознав, что умудрился проигнорировать высочайшее повеление, мастер Ли спешно переоделся, намереваясь явиться во дворец с повинной. Но стоило ему застегнуть пояс, как прибыл второй указ, предписывающий ему немедленно явиться на аудиенцию к государю и вдовствующей императрице.

Одно наложилось на другое, избавив его от лишних хлопот. Облаченный в парадные одежды, Ли Сюньхуань без промедления последовал за гонцом.

Разумеется, пока гонцы разыскивали Ли Сюньхуаня, дворцовый совет не замер в ожидании. У министров хватало нерешенных вопросов. Отложив тему экзаменов, сановники перешли к докладам по другим насущным делам, требующим немедленного утверждения правителями.

К моменту прибытия Ли Сюньхуаня все официальные обсуждения как раз подошли к концу. Чиновники, довольные проделанной работой, неторопливо потягивали чай из изящных пиал. Пользуясь моментом, Чжао Цзи и вдовствующая императрица решили не переносить встречу и принять отличившихся кандидатов прямо здесь, в прохладной тишине зала Гражданской Добродетели.

Вдовствующая императрица Сян, сохранившая в памяти великолепный почерк Ли Сюньхуаня, изначально благоволила молодому человеку. Когда же тот ступил на начищенные плиты Зала Гражданской Добродетели, являя собой образец благородного изящества и мужественной красоты, сердце её и вовсе растаяло от материнской нежности к юному таланту.

Едва Ли Сюньхуань опустился на колени, совершив положенный церемониал, из-за полупрозрачной бамбуковой завесы раздался мягкий, преисполненный благожелательности голос императрицы:

— Прекрасно, прекрасно. Младший призер Ли, подними взор.

Повинуясь воле государыни, Ли Сюньхуань поднял голову, скромно опустив глаза и не позволяя себе дерзко разглядывать убранство. Однако краем глаза он все же успел уловить силуэт сидящего на троне повелителя Поднебесной. В груди его что-то екнуло. Преодолевая нахлынувшее изумление, Ли Сюньхуань осторожно, стараясь соблюсти приличия, взгляделся в черты лица молодого императора. Но эта мимолетная попытка приковала все его внимание к фигуре перед тронем.

Правитель предстал перед ним совсем юным, с тонкими, почти девичьими чертами лица. На плечах его покоилось роскошное императорское одеяние, а на благородном челе застыло выражение столь безграничной неловкости, что её невозможно было описать словами.

В этот миг их взгляды пересеклись.

Ли Сюньхуань оцепенел.

Чжао Цзи мысленно застонал.

<http://bllate.org/book/18987/1887810>